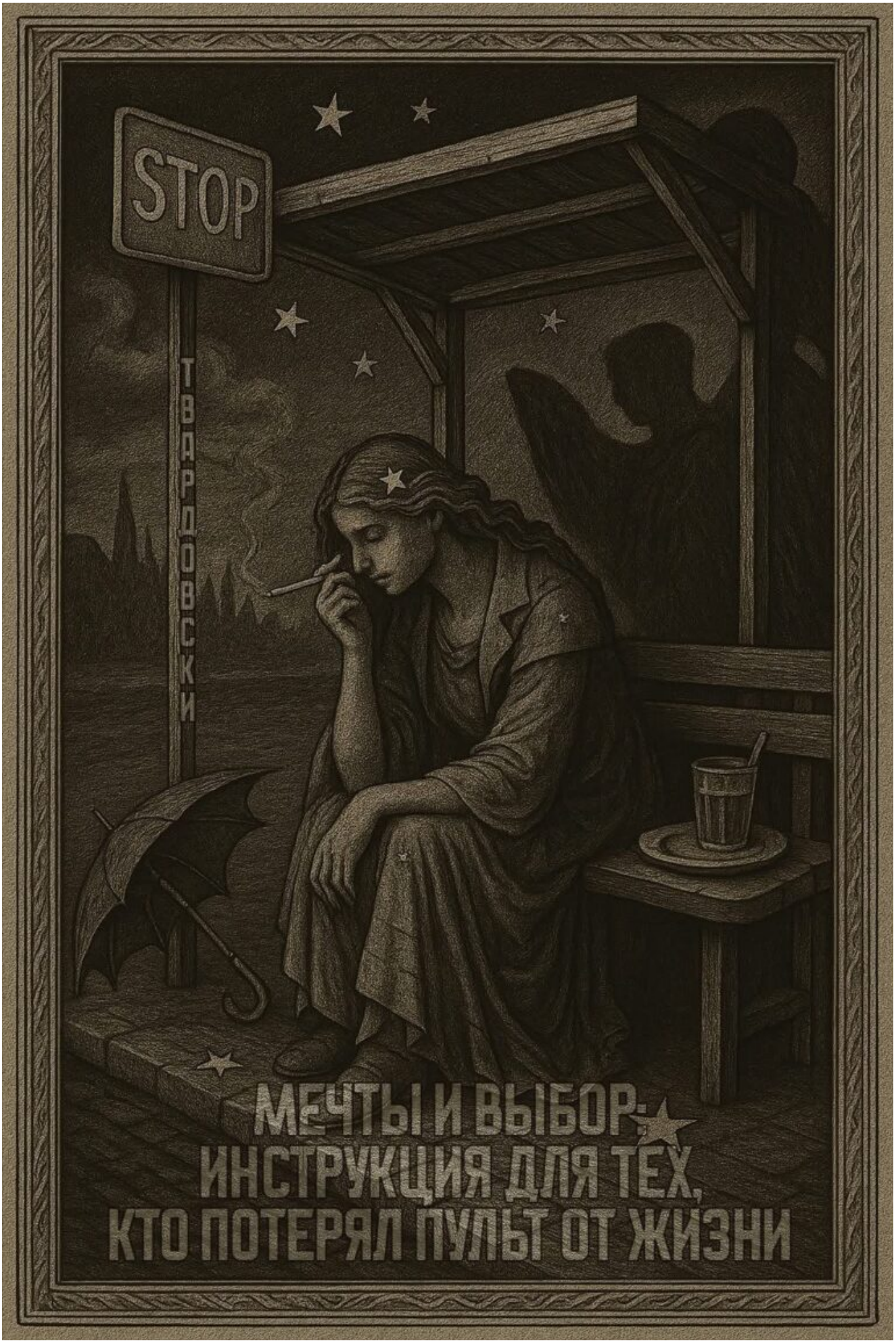
Мечты и выбор: инструкция для тех, кто потерял пульт от жизни



МЕЧТЫ И ВЫБОР: ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ТЕХ, КТО ПОТЕРЯЛ ПУЛЬТ ОТ ЖИЗНИ

Пока ты ребёнок, ты живёшь в ожидании. Ты уверен — вот вырасту, и всё будет иначе. Сниму с себя эту одежду послушного сына или примерной дочки, выброшу вон этот дневник с двойками и пятёрками, забуду про этих странных взрослых, которые ничего не понимают в настоящей жизни… Вот станет мне восемнадцать, или двадцать пять, или тридцать семь — я встану утром, посмотрю в окно и скажу: «Сегодня я живу, как хочу». И разверну этот день, как ковёр-самолёт, в любую сторону. Хочу — в Индию, хочу — в джунгли Амазонки. А может, просто полечу на звёзды, потому что кто мне запретит? Никто.

Но вот день настал. Ты вырос. Можешь сам выбирать — хоть цвет носков, хоть страну, в которой будешь жить. Захочешь — станешь рисовать картины на площадях, захочешь — построишь школу для детей, где вместо оценок всем выдают мороженое и свободу. Захочешь — поднимешься в четыре утра, будешь медитировать под луной, или сядешь за руль старого внедорожника и поедешь в никуда. Всё можно. Абсолютно всё.

А ты сидишь дома. На диване. В руках телефон, на экране бесконечная лента чужих жизней. Чужие люди пьют кофе в Париже, прыгают с парашютом, обнимают ламу в Тибете. А ты смотришь. И вот уже кто-то говорит: «Пора поесть». И ты идёшь на кухню, режешь себе ломтик чёрного хлеба, варишь картошку, достаёшь из банки квашеный огурец, наливаешь в гранёный стакан чего покрепче, и думаешь: ну, нормально. Так все живут. И хорошо, что хоть это есть.

И это не один раз происходит. Это каждый день. Снова и снова. Ты как бы всё можешь, но выбираешь одно и то же. Диван. Картошка. Телефон. И что-то покрепче. Вроде ты взрослый, но на самом деле — тот самый ребёнок, который ждёт, когда ему разрешат. Только теперь никто не запрещает. Ты сам себе тюремщик. Сам себе надзиратель. Сам сидишь в клетке, дверь которой давно сняли с петель. Просто привык держаться за решётку. Как за поручень в транспорте: тут безопасно. Рука знает, что делать.

Почему так? Потому что привычка мечтать срабатывает только тогда, когда тебе чего-то не дают. Когда есть запрет, внутри появляется сопротивление. А когда нет запретов — нет и протеста. Свобода пугает сильнее тюрьмы. Там хотя бы понятно, что делать: дождись звонка на обед, выйди на прогулку, сиди тихо и мечтай, что когда-нибудь… А тут тишина. И в этой тишине вдруг выясняется, что никто тебе не скажет, кем стать, куда пойти, как жить. Выясняется, что ты не знаешь, чего хочешь на самом деле. И проще спрятаться обратно. В телефон. В жареную картошку. В сериал, где кто-то другой совершает подвиги, переживает чувства, спасает мир. Ты можешь выключить, когда надоест. Это безопасно.

Мечты были. Мечты есть. Но они стали чем-то вроде старых игрушек на антресолях. Потрёпанные, покрытые пылью, и кажется, уже не нужны. Ты говоришь себе: не время. Сейчас ипотека. Сейчас дети маленькие. Сейчас работа тяжёлая. А вот потом… И снова сидишь, глядя на часы, которые всегда идут по кругу. День сурка, только без смеха Билла Мюррея.

А с чего бы начать? Просто выйти из квартиры и пойти туда, где не был никогда. Не потому что надо, а потому что хочешь. Съесть на завтрак не картошку, а, скажем, драконий фрукт. Пусть он странный. Написать письмо самому себе, который ещё верит, что однажды… И сказать ему: «Эй, это день — вот он. Он пришёл. Давай!»

Но для этого нужно иметь храбрость жить без сценария. Без того, чтобы кто-то вел тебя за руку. Как ребёнок, впервые без мамы в школу. Страшно. Неуютно. Хочется назад. Но именно в этот момент ты начинаешь взрослеть. Не тогда, когда тебе исполнилось восемнадцать. И не тогда, когда дали паспорт. А когда понял: никто тебе не мешает, кроме тебя самого.

Или наоборот — никто тебе не поможет, кроме тебя самого. Как верёвка, которую кидаешь себе сам, чтобы вылезти из колодца. Как свет, который сам включаешь, чтобы видеть дорогу. Как Бог, которым становишься, чтобы создать свой мир заново. Сначала

хаос, тьма, вода над бездной, потом — слово. И вот уже свет. И вот уже суша. И деревья, и птицы. И ты.

Ты ждал чуда, а оказалось, что чудо ждёт тебя. Не просто ждёт — нервничает, дёргает ногой, прокручивает в пальцах сигарету, которой не существует, потому что у мечты нет рта. Она курит метафизический дым без огня и даже без желания — просто, потому что уже не знает, что ещё делать. Она посмотрела три сезона твоей жизни и зевает от скуки. Иногда подходит автобус, в котором едут чужие мечты — с гавайскими гитарами, с картинами в обнимку, с лицензиями на парапсихологов, шаманов и дизайнеров инопланетных садов, и твоя мечта уже почти заходит в салон, но вдруг думает: «Нет, он же сказал, что всё ещё любит меня. Просто пока картошка…»

Ты ведь как оправдываешься? Что сейчас не время. Что «ещё чуть-чуть, и начну жить по-настоящему». Ты с таким выражением лица говоришь это, как будто подписываешь вселенскую бумагу о мире между прокрастинацией и разумом. Ты ведь не знаешь, что пока ты ешь огурец, в параллельной версии тебя ты уже запускаешь дирижабль из виноградной лозы, поёшь оперу на болгарском языке под водой и пишешь роман о будущем, в котором люди общаются только хоровым пением и танцем правой брови.

Ты — повелитель бесконечных «потом». Ты — архитектор собственных тупиков. Ты — бог откладывания. Если бы прокрастинация была олимпийским видом спорта, ты бы… отложил тренировку и сорвался на середине дистанции, потому что вспомнил, что надо проверить, как дела у актёра из второго сезона сериала, которого ты всё равно не помнишь по имени.

Мечта не просто ждёт — она уже сбросила туфли, намотала шарф из твоих несбывшихся планов и почесала пяткой знак бесконечности на асфальте. Она заговорила с каким-то стариком в дождевике, который оказался твоей интуицией. Они пьют кофе из невидимых чашек и обсуждают, что, может, ты просто голограмма самого себя, которой никто не объяснил, где кнопка «начать».

Ты же не просто не идёшь к своей мечте. Ты сливаешься с диваном, как мармелад с фаянсом. Ты уже стал географической точкой в навигаторе «Привычка». Если тебя потрясти — из тебя высыпется мелочь, чек из «Пятёрочки» и старая мечта, вся в заломах, как смятая бумажная птица из школьного спектакля, где ты играл вторую елку слева и надеялся, что это пролог к великой карьере.

Ты говоришь себе: «Я просто устал». Конечно, устал. От чего? От возможной жизни? От себя, в ком мог быть свет, но ты предпочёл лампу дневного света в офисе? От шансов, которые сами звонили тебе в дверь, но ты не открыл, потому что думал, что это курьер с очередной разочарованностью?

Ты перепутал мечту с уведомлением. Ты ждёшь, что она мигнёт, всплывёт, позвонит, но она живёт по старому протоколу: глаз в глаза, шаг за шагом. Она — как собака, которую ты когда-то назвал своим именем, а потом оставил на обочине, потому что дождь пошёл, а у тебя были белые кроссовки. Но она всё равно ждёт.

Ты думаешь, если ты не смотришь в небо, то звёзды не сходятся? Ты забыл, что ты и есть небо. Ты — и туман, и созвездие, и отчаяние, и свет. Просто ты выбрал быть пультом от телевизора, у которого залипла кнопка «повтор». Ты даже не замечаешь, что один и тот же день прокручен в твоей жизни сорок раз под видом «нового».

А ведь когда-то ты хотел играть на арфе из молний. Ты хотел писать письма времени. Хотел жить в городе, где по улицам ходят люди-идеи, где можно обнимать незнакомых и не бояться, что украдут душу. Ты хотел рисовать стены храмов, в которых каждый может зайти и найти себя в зеркале из дождя.

Но потом — картошка. Потом — сериал. Потом — завтра. И ты даже не замечаешь, что у тебя накопилось столько «потом», что ими можно построить мост на Марс. Но ты всё ещё сидишь, и говоришь себе: «Сейчас не время». А когда будет? Когда кот начнёт

говорить с тобой на языке Платона? Когда чайник закипит и крикнет: «Иди, блин, за своей жизнью!»? Когда из розетки вылезет голос твоего внутреннего ребёнка и скажет: «Я устал ждать»?

Снаружи дождь, внутри тишина. Всё, что нужно — шаг. Даже не шаг — намёк на движение. Намеки живее поступков, когда сердце ещё не решилось. Но нет, ты снова наливаешь. Не себе — судьбе. Ты её спаиваешь, чтобы она заткнулась. Чтобы не шептала тебе в ухо, что ты всё просираешь. Что ты мог быть другим. Не лучше. Но собой. Настоящим. Раненым. Светлым. Смешным. Тот, который прыгает в лужу, а не перескакивает, боясь намочить мечту.

Но мечта — это не девица в белом. Она — чёрт с крыльями, который умеет летать, но сломает тебе всё, если ты её не послушаешь. Она сожжёт твой диван, выпьет твою водку, вырвет из тебя последнюю лень и скажет: «Или мы сейчас взорвём Вселенную, или ты так и останешься анекдотом о себе». И тут уже не отвертишься. Даже если выключишь свет.

Но знаешь что? Даже если ты анекдот — ты можешь стать хорошим анекдотом. Тем, над которым сначала смеются, а потом замолкают. Таким, что сначала хохот, а потом тишина и взгляд в сторону. Потому что даже самая жалкая, потертая, пропитанная ленью и вчерашним майонезом жизнь — это всё ещё жизнь. И пока ты дышишь, пока твои глаза хоть раз в день смотрят не в экран, а в небо — всё ещё можно.

Мечта никуда не ушла. Она просто села чуть дальше — чтобы не мешать тебе быть собой, пока ты не дозреешь. У мечты терпения больше, чем у Бога. Она знает: время не течёт — оно стоит, как вода в колодце. И каждый день ты можешь подойти к этому колодцу, опустить ведро, достать себя — живого, чистого, настоящего. Того, кто верил в звёзды, а не в скидки.

Ты можешь встать. Не эпично. Без фанфар. Просто — перестать жевать оправдание. Омыть лицо. Надеть не самую удобную, но любимую одежду. И выйти. Не в бой, не на подвиг. Просто — в

сторону своей мечты. Шаг. Шаг. Ещё шаг. Она узнает тебя сразу. Даже если ты облысел, потолстел, потерял вкус к кофе и смысл в понедельниках. Мечта не судит. Она обнимает.

И тогда случится то, чего ты не ждёшь: не фейерверк, не просветление, не новый айфон. А лёгкость. Будто кто-то выключил гравитацию. Будто воздух стал чище. Будто время вдруг стало подвижным, как в детстве, когда день был вечностью, а вечер — приключением.

Ты поймёшь: вся боль была дверью. Вся скука — полем, которое надо было вспахать. Вся лень — прививкой от ложных целей. Ты не опоздал. Никогда не поздно быть собой. Даже если тебе сто двадцать. Даже если все ушли. Даже если весь мир в это не верит — ты всё ещё можешь. Потому что ты — это не вчера. Ты — это сейчас. Ты — это выбор. Ты — это жизнь, которая вдруг вспомнила, что она способна любить.

Ты ждал чуда. А оно было внутри. Не сияющее. Не праздничное. А тёплое, тихое, твоё. Чудо не в том, чтобы летать. Чудо — в том, чтобы захотеть летать, даже если тебе всю жизнь говорили: «Сиди ровно». Чудо — это когда ты сажаешь цветок на обочине разочарования, а он всё равно растёт.

Мир тебя не спасёт. Но он подвинется, если ты пойдёшь. Жизнь тебя не возьмёт за руку. Но она расступится, если ты начнёшь танцевать. Даже если в носках. Даже если с запозданием на двадцать лет.

Потому что самое странное, самое прекрасное, самое истинное — всегда начинается не с фразы «всё готово», а с шепота: «А что, если?..»

И вот ты уже встал.

А мечта, сбросив шарф из сожалений, выпрямилась, взяла тебя за руку и сказала:
«Пошли. Я знала, что ты придёшь. Даже если в тапочках и с запахом жареного. Это всё равно лучше, чем никогда».

И ты идёшь. Не герой. Не святой. Не избранный. Просто ты. И этого — достаточно.

Автор: П. Твардовски (Псикус Таткин)